

* * *

В. Д. и О. С.

А тот, кого Господь не посещает,
Он с каждым днём и ночью убывает,
И втайне тает слепок восковой.
Хотя бы плоть горою нарастала —
Иссякли в ней источник и начало.
В руинах бродит голос неживой
И не встречает отклика нимало.

9-13.VII — 6.VIII.1983

Е. Ш.

Твоё лицо, когда дитя целуешь,
Кому подобно, молодая мать?
Когда ты наклоняешься над спящим,
Напоминай младенцу Богоматерь
Лица смиреньем, радостным, прозрачным.

Но никогда — дочь древнюю, обиду.
И никогда — дочь новую, заботу.

Когда не можешь таять и струиться,
Когда свечою вознестись не можешь
Меж оком детским и горящим ликом —
Будь слуху непрерывным песнопеньем,
В созвучьях мерных кутаясь, как в складках.
Приходу Муз ты этим не мешаешь.

Но никогда — дочь новую, заботу.
И никогда — дочь древнюю, обиду.

25.XI.1982

* * *

Не помню, друг, я твоего узора,
Но, братец лист, люблю твоё пыланье.
Поверь, в тебе сгустилось много взора,
Далёких звёзд густое остыванье.
Происхожденье яркого убора
Загадочно, полно очарованья.
Люблю тебя! люблю как голос хора!

25.X.1982

* * *

Я приобрёл печальную привычку
В окно глядеть на дружество деревьев,
На их кружок, безмолвно отошедший
От шума и стремленья, от порога
Нелепо заострённой, колкой страсти.
И вот гляжу на них, гляжу откуда?
Древесным оком с горечью кореньев,
Кристаллом деревянным и ослепшим.
В произрастанье травном, безымянном
Со dna земли желанье понимаю
Превозношеньем странным и нелепым.
Под холод вечный тело подклоняю,
Под вечный холод, под огонь, под пепел.

30.III. — 8.VI.1983

* * *

На пустыре
Листья сухие и сучья.
И на заре
Вековечная грусть.
Вспыхнет костёр.
В свете неровном окрестность.
К ней прикоснётся душа.
Если б понять разговор
И запомнить печальную местность...
Дикое сердце любит нежданым дышать...

10.VII.1981

* * *

Е. К.

Ветка дрожит
Майской ветреной ночью
У глухого крыльца.
Звучанье в себя вбирая,
Ветка дрожит сырая
У самого дальнего края,
У самой земли конца.

18-19.VII.1982

* * *

Э. Ш.

Тяжёлому камню Ты близок,
Всесильный Господь.
И всем потонувшим,
И в глуби лежащему дну.
И рыбе немой,
И сухому на древе листу.
Их скорбь онемела
И втайне в Тебе говорит.
Распятого глас
Онемелей всех тяжко немых,
Но высказан вечно
И в юное чрево вонзён.
И тот, кто спелёнут,
Навеки его сохранит.
И выпьет он жизнь —
Целованье завитых пелён.

И выпьет он жизнь —
Гворенье недвижимых камней.
Вот ангел безмолвный

На пне одиноком сидит,
А корни его
Обретаются в светлом раю.
За каждым плечом —
Полыханье святого огня.
И в ясности смерти
Омыт вековечный позор.
Послушай меня,
О послушай меня!
Я всё же немой,
Как в огне погибающий бор.

19.VII — 16.XII.1983

★ ★ ★

И зов утопающей, тонущей жизни опять...
Недвижимость пищи и вечера дивного след.
Внимай, о народ, отворяя молитвенный рот,
Не меньше, чем звёздам, мерцанию хлеба и щей.
Когда бы не ваши, пропавшие в мире, глаза,
Кто бросил бы в мир ледяное дыханье псалма?
Вращение неба... кто стал бы его обращать,
Когда бы не этот, в груди вырастающий глад
По тёмной реке, по ночному струенью дождя...
По каплям немым, прибегающим жар утолить?
Когда бы не жажда взволнованно-тающих губ,
Кто к нам обратил бы листа зеленеющий край?
Не думай о чаше, душа, и её вспоминай!
Натруженных рук... о, печати святых и благих,
Во всём расчленённых и в хоре явившихся сил!
Все пять возлюбили гончарный струящийся круг,
Податливость мягких, с песками замешанных глин,
Струенье огня и в огне порождённый сосуд.

* * *

Я привлечён опять виденьем глада,
Остывший вижу в очагах огонь.
В протянутую падает ладонь
Осенний лист и тёмных звёзд плеяда.
И лица измождённые людей
Пространство затопили площадей
И взоры их унылые покорны.
Таков печальной родины венец.
И неужели это не конец?
Конец чего? Я слышу только горны!

27.X.1982

* * *

Опять стремится влаги преизбыток
Из уст небесных перейти в уста
Земных созданий, снова юный свиток,
И чаши край, и внутренность листа
Вбирают нежно неземной напиток.

Когда же чаши внутренность чиста,
Когда душа как изумрудный слиток:
Вокруг неё блистает красота.

7.VI.1984 — февраль 1988

* * *

Хотел бы видеть звёзды долгой ночью
И с ними быть в союзе молчаливом —
Они нужды и скорби отрешают.
Хоть повседневный груз не облегчают,
Но мысль о жизни делают непрочной,
А мысль о наказаньи справедливой.

28.XI.1982

* * *

Осени поздней холодная влага.
Сосны святыя в питье непрестанном
Выпили скоро желанную меру,
Взором вобрали всю кротость земли.

И отошли от шумящего края
Жизни горячей, и спешной, и жадной
В холод желанный, холод святой.

Нет, ничего не могу я прибавить
К этим свершениям могучей природы,
К этой холодной и льющейся речи...
Нет, ничего, кроме смерти моей.

30.III.1988

* * *

Жизнь прожить понемногу,
Неприметно, незримо.
Отрешённо, убого,
Лёгкой тенью от дыма
По дорогам пройти —
Тонкой тропкой лесною,
Веет ветер за спиною
И радость пути!

Сна и хлеба немного.
Чтенья мера строга.
В поминании Бога
Радость долга.
Вдохновенною речью
Строй незывлемый мост,
Помня кротость овечью
Под пологом звёзд!

И алмазный сей свиток
На сердце тверди,
Правды явленный слиток:
Радость позади!
Радость впереди!

1981